Плач племянницы по дяде родном и вдовы по муже

Когда оденут покойника, племянница вопит:

Мне-ка сись было, белой лебедушке,
Либо на́ эту брусо́ву белу лавочку,
Либо подле на дубовую скамеечку,
Супротив лица на кленовой стул,
Мне подпасть было под правое ушинько,
На допрос взять желанного мне дядюшку!
По роду́ мне-ка желанной родной дядюшка,
По кресту мне-ка крестовой этот батюшка!
Ты куды, мой восприемной, снаряжаешься?
Ты в котору путь, родимой, поспешаешься?
Ой, тошным мне, горюшице, тошнёшенько!
Поставил, свет, печальных нас головушек,
Сложил рученьки ко белой груди,
Телеса придал ко матушке-сырой земли!
Пошла на́ убыль любимая семеюшка,
В раззореньицо крестьянска пошла жирушка;
Нонь торговы эты лавки запираются,
Про московскиих купцов да запасаются;
По великому злодийному несчастьицу,
По девоцьему моему бесталаньицу,
Нонь при доме я, печальна, не случилася!
Как во эту пору было в тое времечко,
В полдень красного было да то солнышка,
Приходила к нему скоряя смерётушка,
Отлишила нас великого желаньица!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
От постелюшки бы прочь не отходила,
Я сидела бы, душа-красна девица,
У болезна круто-складнего сголовьица,
Говорила бы с спацливым моим дядюшкой;
Я держала б его буйную головушку,
Я на белых держала бы на рученьках,

Прибирала бы русы его волосушки,
На бумаженьку седу его бородушку,
На патрет бы колесисты его бровушки
Я завивны бы кудёрки-золоту дугу!
Все я думала, бессчастна красна девица:
«С тяжела́ да добры люди поправляются;
С легка́ молодцы удалы помирают».

Обращаясь к тетке-вдове, продолжает:

Ты скажи мне, жалослива ро́дна дяденька,
Расставалась как с надежной ты головушкой?
Сговорил ли хоть единое словечушко,
При послиди при злодийной смерётушке?
Буду гнев держать, обидна красна девиця,
Я на светушка-братца на родимого,
Што не дал мне слободна Божья де́нечка
Посидеть у крестового у батюшка:
Снарядил он на крестьянскую работушку!
Как была бы я, белая лебедушка,
В своем доме, в светлой све́тлице,
Я сидела б под косевчатым окошечком,
Я глядела б на ши́року на уличку,
По пути я к Божьей церкви посвященной;
Усмотрела б, може, идуци я скорую смерётушку,
Тут задвинула б стекольчаты околенки,
Заперла́ бы вдруг широкии воротечки,
Заложи́ла бы новы двери дубовые,
Сама вышла б на крылечико перёное,
Говорить стала б я скороей смерётушке:
«Ай же борзая калека перехожая!
Ты откуль гредешь, куды путь держишь?»
Я бы стала тут калеку уговаривать:
«Ты под по́дружку возьми стару бабушку!
На сине море иди да ты, холодная,
Во чисто поле иди да ты, голодная!»
Нонько крадци пришла скоряя смерётушка,
Пробралась в наше хоромное строеньице,
По пути она летела черным вороном,

Ко крылечку прилетала малой пташечкой,
Во окошечко влетела сизым го́лубком,
Разлучила с восприемным меня батюшком:
Его ясныи тут очи запиралися,
Сахарныи уста да загражалися,
Душа с белых грудей вынималася!
Как я шла со крестьянской работушки,
Едина́ шла путем-ши́рокой дороженькой,
В разны стороны металась умом-разумом!
Приходить стала к крылечику перёному,
Как сглянула на хоромное строеньице —
Припечаливши хоромное строеньице!
Повону стоит горница,
Понутру стоит морозница,
Скрозь околенко виднеевит кручинушка,
Скрозь другое выглядает зла обидушка!
Тут свилося-задрожало сердце девоцье,
Я не видла-то, победна, свету белого!
Я зглянула на крылечико перёное,
Как стоит столько спацлива моя дяденька;
Не со радости она меня стретае,
Она белыма-то ручками мавае,
И горьки сама слезы проливав!
Тут спросила у спацливой я у дяденьки:
«Што в кручинушке стоишь пригорюнивши?
Аль труден-болен крестовой, видно, батюшко?»
Тут в слезах мне родна дяденька сказала,
На перёноем крылечке отвечала:
«Как у нас, да моя теплая сугревушка,
Во дому у нас великая незгодушка,
В светлой све́тлице великая кручинушка,
Талан-счастье от нас да удаляется
К нам великое бессчастье забирается!»
Тут прошла я по крылечку перёному
И взошла да я во светлу нову горенку;
Как зглянула на тесовую кроваточку,
Почивал да где крестовой мой батюшко —
Начасу́ тут кровать расклеи́лася,
Она надвое кровать раскатилася!

Я зглянула как на столики дубовыи —
Тут положен же спацливой милой дядюшка,
Он сокручен во умершее во платьице!
Я с досадушки, победная, зглянула,
На эту Пресвяту Мать Богородицу...
Што ведь топится свеча да воску ярого?
Я-то думала девоцьим своим разумом:
«Для того, видно, свеця у них затоплена,
Как по-старому было, по-досюльному —
Поезжать стане крестовой милой батюшко,
За товаром он, бывало, заграничным,
Стане Господу молиться от желаньица:
„Дай-ко Господи мне путь доброй-дороженьку,
Дай-ко счастия Господь, благополучия,
Мне бы съездить за товаром разноличныим!»
Нонь раздумаюсь я, белая лебедушка:
«В светлой све́тлице попы стоят духовныи;
Не молебенки оны нонь воспевают —
Восприемного попы нонь поминают!»
Подойти да ко столу мне ко дубовому,
Приоткинуть тонко бело это по́лотно!
Дайволюте-тко, спорядны мне суседушки,
Стану спрашивать, обидна красна девушка:
«Ты куды, родной дядюшка, справляешься?
В безызвестну, знать, дорожку поспешаешься
Ко этой Пресвятой ты Богородице?
Как нам жить буде, печальным головушкам?
Вси отрекнутся нонь сродни милы сродничкі,
Вси отступятся купцы-твои приятели,
Вси отша́тнутся попы-отцы духовныи!»
Мимо про́йдут оны нову эту горенку
И межу собой спрого́ворят:
«Теперь все прошло ведь здесь да угощенье!»
Тут не зглянут на косевчаты окошечка;
Бедное тут, скажут, состояние,
По́ дому нет большака у их, начальника!
Нонь поели тебя, крестовой милой батюшко,
Унывать стане ретливое сердечушко,
Умирать буде зяблая утробушка,

Ушибать стане великая тоскичушка!
По дорожке хоть нам встречу постречаются,
Нонь не сдиют с нама доброго здоровьиця,
Не спрогóворят единого словечушка,
Погнушаются победныма головушкам!

При выносе:

Я гляжу-смотрю, обидна красна девиця:
На пяту да новы дви́ри отворяются,
С дубовы́м гробом суседи пробираются,
Полагают же великое желаньице
Во эту колоду белодубову;
Вдруг поносят со хоромного строеньица
И повозят на ступистыих лошадушках!
Впереди идут попы-отцы духовныи,
Во правóй руке несут да книги Божии,
Во левóй несут оны да свещи ярые,
Тут поют оны вечно поминаньице!
Не спешитесь-ко вы, добры мои людушки,
Взять-поднять колоду белодубову,
Вы нести со хоромного строеньица,
Со столовой нести новой горенки!
Не сиротьте-ко, победных нас головушек!
Да ты слушай же, крестовой милой батюшко!
Не сдавайся со брусовой белой лавочки,
Ты не иди со столовой новой горенки!
Видно, нет того на свете да не водится
У мертвого с живым дело не ладится!

К попам:

Я поклон воздам попам-отцам духовным,
Благодарность я служителям церковным!
Спаси Господи попов-отцов духовных,
Што послушали победных нас головушек,
Беспокоились путь-ши́року дороженьку,
Со пением несли его церковным,
С поминанием несли его духовным!
Я во светлую прошу вас нонь во свéтлицу,

Я уче́стую служителей церковных;
Вы садитесь-ко на стульица кленовыи,
Ко столикам садитесь ко дубовым —
По-прежнему садитесь, по-досюльному!
Я прошу да вас, попов-отцов духовных,
Вы впишите-тко во книги херувимские,
Во вечное его да поминаньице!
Вам злата за то надо или серебра?
Али красного вам надо да ведь золота?
Али скатным возьмете да вы жемчугом?
Рассчитаюсь за труды ваши за праведны!

К тетке:

Ты послушай же, бажена моя дяденька:
Ты проси да нонь попов-отцов духовных,
О своей проси любимой о семеюшке,
Поминали бы в учётных шесть неделюшек —
Их молитовки ко Господу доходные!
У нас все прошло теперь, миновалося,
Скрозь туман пекё красно теперь солнышко,
Скрозь облако светит блад светёл месяц!
Приминúмся, спацлива родна дяденька:
Не высоки терема живут вдовиныи,
Не красны слывут дочери безматерни,
Не славны сыновья живут безотнии!
Поставили сердечно мы желаньице
У этой Пресвятой мы Богородицы,
Отпустили свои ласковы словечушка
Во погреба с тобой мы во глубокии —
Во матушку с тобой мы во сыру землю!
Нонь пустым у победнушек пустёшенько,
По хоромному строенью уныльнёшенько;
Отложить надо нам сладко уяданьице,
Отменить надо любимо угощеньице,
Мы горючима слезамы угощаемся,
Мы великой кручиной забавляемся!

Вдова к суседям:

Да вы слушайте, спорядные соседушки!
Не убойтесь зла великого бессчастьица,
Не страшитесь-ко злодийной вы кручинушки!
Талан-участь от вас не отша́тнется,
Зло-великое бессчастье не привяжется!
После милой любимой вы сдержавушки,
Не гнушайтесь-ко победныма головушкам,
С нама сдийте-тко вы доброе здоровьице,
Прого́ворите едино хоть словечушко,
Взвеселите вы победных нас головушек!
Вместе по́йдем на крестьянску как работушку,
Едино́й путем-ши́рокой дороженькой,
По единым чистым полюшкам,
По единым лугам сенокосным,
Разрядите-тко победных нас головушек,
Укажите нам крестьянскую работушку;
После милой сдержавушки любимой
Без ветрышка победныи шатаемся,
Без угару болит буйная головушка,
На все стороны наш ум-разум кидается!
Нет разрядника победным нам головушкам,
Распорядчика крестьянскоей работушки;
Точно заюшки под кустышком загнаныи,
В чистом поле словно гусья заблудящий,
Мы повыстанем по утрышку ранёшенько,
Да мы сядем под косевчато окошечко,
Как кокоша в сыром бору коковать стане,
Также мы, бедны́-побе́дны, тосковать будем;
Мы не знаем-то, обидные крестьяночки,
На каку потти крестьянскую работушку!
Мы посмотрим на спорядныих суседушек:
На чисто поле как парни уж справляются,
На полосушки севчи́ да снаряжаются;
Тут пойду, бедна кручинная головушка,
Возбуждать пойду сердечно свое дитятко:
«Да ты стань-востань, сердечно мило дитятко!
От крепка сна, дитё, ты пробудися,
На крестьянскую работушку спахнися!

Все повыстали суседи спорядовыи,
Уж справляются на трудную работушку!»
Тут повыстане рожёно мое дитятко,
Недорослая кудрявая рябинушка,
Недозревша в сыром бо́ру ягодиночка:
Его плечушки у светушка — узёшеньки,
В росту рученьки его да ведь тонёшеньки,
Во годах еще дитя молодёшенько,
Умом-разумом, сердечное, глупёшенько!
Тут отправлю на крестьянскую работушку,
Повыду вслед на ши́року на уличку,
Покорюсь спорядовым я суседушкам:
«На работушку его нарядите-тко,
На́ поле работу укажите-тко!»
Возвращусь сама в хоромное строеньицо,
Затоплю да я печеньку муравлевную,
Возбуждать стану любимую племянничку:
«Ай же, стань, моя белая лебедушка,
Пробудись, наша любимая племянничка!
Да ты стряпай-ко стряпню домовитую,
Ладь-ко нам обеды полудённыи!»
Я пойду да на крестьянскую работушку,
Обойду все луговы эты поженьки,
Засмотрю да все луга я сенокосныи,
Не вломилась ли любимая скотинушка,
Не истратила ль траву нашу шелковую?
Тут пройду я на распашисты полосушки,
Сосмотрю свое сердечно это дитятко;
Сама я сяду на катучий белый камышек,
Растоскуюсь, горегорькая обиднушка!
Воскликать стану надежную головушку
На эты на роспашисты полосушки:
«Появись-приди, надежная головушка,
Хоть с чиста́ поля́ явись ясным со́колом,
Со темны́х лесов явись сизым голубем,
Хоть с глубоких озер серой утушкой!
Не убойся ты, надежная головушка,
Засмотреть приди сердечно это дитятко
На трудной крестьянской ты работушке!

Видно, век тое в свете не сбывается,
Што мертвый с могилы ворочается!»
Как притрудится сердечно мое дитятко,
Приустане на крестьянской он работушке,
Как придет, свет, по позднему по вечеру,
По закату придет красного солнышка,
Уберет да он ступистую лошадушку,
Приде — сяде на брусовую на лавочку,
Сшибет белы молодецки свои рученьки,
Выше плеч он на бла́дую головушку:
«Да ты слушай же, родитель моя матушка,
Што болят да мои резвы эты ноженьки,
Примахалися бурлацки мои рученьки,
Приустал я на крестьянской на работушке!»
Подойду тут к рожёному я дитятку,
Я поглажу-то по буйной по головушке,
Я подрочу по могуцим белым плеченькам:
«Знать, толь счастливо ты, дитятко таланное,
Отлучил Господь родителя ведь батюшка!»
Как болит-щемит ретливое сердечушко
У меня, да у победной у головушки,
Што трудна тебе крестьянская работушка!
Был в живности родитель пока батюшко,
Моя милая любимая семеюшка,
Видна́ ж была крестьянска у нас жирушка,
Довольна золота казна бессчётная;
Мы по утрышку тебя не возбуждали,
От тала́ сердча тебя мы сберегали!
Как пошиты были ситцевы рубашечки,
Казинетовы налажены поддевочки,
Круг сердечка опоясочка шелковая,
На резвы ножки — сапоженьки козловыи!
Мы зачешем твою бладую головушку,
Уберем кудри во шляпоньку пуховую,
Мы повыпустим на ши́року на уличку;
Хоть не в до́рости сердечно было дитятко,
Поглядим да мы в косевчато окошечко:
Не ясен сокол в чистом поле полетыват,
Наше дитятко по уличке погуливат.

Со сторон смотреть любо было дорого!
Дивовали вси добры того людушки,
Срекалися талану твоей-участи;
Знать, собаки твою участь приоблаяли,
Твое счастье суседы приоббаяли!
Сустигало тут злодийно бесталаньице,
Отлишил Господь великое желаньице;
Были лавочки у нас хотя ж торговые,
Приоткрыты товары разноличныи,
Золота казна туды у нас положена,
В долг товары у родителя распущены;
Пошли людушки теперь да все бессовестны,
Платить долг этот народ не имается;
По судам ходить победной мне головушке,
Задарить надо судей неправосудных;
На горюци оны слезы не окинутся,
Должники ж в долгах ведь е да попираются!
Разорилась вдруг крестьянска наша жирушка!
Поступил ты во злодийную заботушку,
В перелом пришла великая кручинушка,
Не по силушкам крестьянская работушка!
Уговаривать сердечно стану дитятко:
«Ты заботься на крестьянской на работушке,
Проработаешь урёчную неделюшку —
Я во крайней, во субботней этот де́нечек,
Я повытоплю тут парну тебе баенку,
Постелю тебе пуховую перинушку,
Приотдохнешь тут, сердечно мое дитятко!
О Светлом Христовом Воскресеньице
Не возбужду тебя по раннему по утрышку!»
Я приду ко тесовой хоть кроваточке,
Погляжу, бедна кручинная головушка:
Крепко спит мое рожёно мило дитятко!
Резвы ноженьки его пораскиданы,
Белы рученьки от сердца поразмахнуты,
Его желты кудёрки порастряхнуты!
Потиху́ приду к тесовой кроваточке,
Сотворю да я Исусову молитовку,
Подрочу его по бладой по головушке,

По обидной, молодецкой по белой груди!
Тут горюци, бедна, слезы проливать буду,
Мне-ка жаль-тошно мила дитятка!
Призакрою соболиным одеяльицем,
Тут повыду во хоромное строеньице
Состряпаю стряпню домовитую,
Исправлю обеды полуденныи:
Во часу эты обеды во двенадцатом.
Тут приду да я к сердечному ко дитятку,
Возбуждать стану, обидная головушка:
«Да ты стань-востань, сердечно мило дитятко,
Ты умой свое обидно бело личушко,
Ты утрись этым браным полотенечном,
Да ты крест клади, мои свет, по-писáному,
Ты начало положи по-священному,
Ты молись да теперь Богу от желаньица,
Штобы Господи тебя да все помиловал
От злого человека от опасного,
От бранного словечка от напрасного!»
Спаси Господи сердечно тебя дитятко,
На сегодняшний Господень Божий дéнечек,
На это на Христово Воскресеньице!
Я радела бы сердечно тебе, дитятко,
Всей великой бы Господней Божьей милости!
Помоги, мать Пресвятая Богородица,
Возрóстить мне желанно мое дитятко
До полна молодецка его возраста,
Не в укор было б победной мне горюшице,
Не в присловье от спорядныих суседушек;
Ума-разуму набрался бы в головушку,
Чести-совести в ретливое сердечушко!
Нонь народишко пошел такой бессовестной,
Холостыи мужики пошли балованы,
Безотнии сыны да самовольныи,
Вдовúны дúти пошли неунёмныи.
Лучше зáперлись бы ясны мои очушки,
Приукрыться бы во матушку-сыру землю!
Сердечушко мое не унывало бы,
Утробушка моя не обмирала бы,

Глядяци на сердечно мое дитятко,
Во ма́этной, во сколо́тной этой жирушке!
Не порой моя головушка старится,
Не времечком век мой коротается!
Божии де́нечки в обиды провожаются!
Не радию того другу я, ни недругу!

. . . . . .
Тут по ранному петунью воспеваньицу,
С зауныла соловьиного жупляньица
Большаки как подомовыи ставать станут,
Мужевья да жен возбуждать будут!
Я проснусь, бедна, со поздняго со вечера,
Я с полуноци, горюша, думу думаю,
Я под утреню зарю сильно росплакаюсь!
Тут повыстану, победная головушка,
Со этой тесовой я кроваточки,
Умоюся, печальна, ключевой водой,
Я утрусь, бедна горюша, шитым полотном;
Помолюсь Пресвятой я Богородице,
Благословлюсь у Бладыки-Света Истинного,
На сей я Господен Божий де́нечек!
Тут сгляну я во косевчато окошечко,
Как справляются спорядныи суседушки
Во эты темны леса дремучии,
На эты луга сенокосныи
Косить оны травоньки шелковые!
Тут скажу да я, печальная головушка:
«Вы ставайте-тко, сердечны милы детушки,
Вы пойдемте на крестьянскую работушку,
В сон головушки, родимы, не клоните-тко,
Вы идите путь-дороженьку скорешенько,
Вы работайте работу веселёшенько,
Наряду да с суседямы спорядныма!»
Отпущу хоть печальна их головушка —
Мои детушки в годах молодёшеньки!
Хоть придут на лугову оны поженку,

Устанут путем-ши́рокой дороженькой,
Оны сядут под ракитовой под кустышек.
Жалобно пекё красное солнышко,
Обогрие их ретливое сердечушко;
Тут ведь лягут под малиновый под кустышек,
Позабудут всю крестьянскую работушку!
Как нет старого у их да повелителя,
Большака нету у их да распорядчика!
Скоро стряпаю стряпню тут суетливую,
Я спешусь на крестьянскую работушку,
Я на эты на луговыи на поженки,
На раскосисты луга сенокосныи,
Я спешусь путем-дорожкой широконькой!
Я ле́туци дорожку пролетела бы,
Я скоренько путь широку припрядала,
Я настретушку суседям не стрета́лась бы,
Я с суседкой разговор бы не закинула,
Да я так спешу́сь ши́рокой дороженькой!
Уж приду как ко луговой этой поженке,
Там не вижу сенокосцев трав шелковых;
Я ко прежнему приду ко огнищечку,
Я ко старому приду становищечку,
Да там спят мои сердечны милы детушки,
Быв как зайки под ракитовым под кустышком,
Горностали под малиновым под прутиком!
Тут я сгру́снуся, печальная головушка,
Разобидуюсь на милых своих детушек,
Возбуждать стану, победна их головушка,
Я не ласковым словечком, не прелестныим:
«Беззаботны вы, сердечны милы дитятки,
На кого да, бедны детушки, надиитесь?»
Мои детушки того да растоскуются,
На работушке оны сильно расплачутся;
Уже я, бедна кручинна тут головушка,
Распеняюсь на судьбу свою бессчастную,
Разругаюсь я на жизнь да бесталанную!
Хоть работушку, победны мы, работаем,
Все горючима слезамы обливаемся
И великой мы кручиной утираемся!

Тут при́дут спорядо́вые суседушки,
Уговаривать меня станут, победную:
«Ты не плачь, бедна вдовушка бессчастная,
Не тужи, да бедна мать ты горегорькая,
Не обидь своих сердечных этых детушек!
Не одна ты е на свете бесталанная,
Много вдовушек победных на белу свету,
Без отцов растут детушки, без ма́терей!»
Тут раздумаюсь, печальная головушка:
Знать у Господа-Бладыки узаконено,
В кую пору наб жене с мужем расстатися!
Некуды с горя горюше подеватися,
Мне живой, бедной, в могилу не вкопатися!
Отложить надо тоску мне-ка великую,
Надо дом вести-крестьянска эта жирушка,
На работы большаком слыть настоятелем,
Во домы да наб большухой подомовой,
Распорядок на крестьянской надо жирушке,
Наб разряд да ведь сердечным малым детушкам!
Говорить буду тихонько с уговорочкой:
«Ай же, милыи сердечны мои детушки,
Вы работайте крестьянскую работушку;
Да как съезжу я к Владычному ко праздничку,
Привезу я вам любимыи подарочки,
По сердечной привезу вам по обновочке!»
Тут ведь детушки мои да веселешеньки,
Наряду́ иде крестьянская работушка,
У артельных мужиков словно семейныих.
Одним днем да я, победна, не останусь,
Наряду с има, победная, мотаюся!
Ой тошным да мне, победноей, тошнёшенько!
После милой надежноей сдержавушки,
Недород да всё довольным этым хлебушкам,
Недорос да на лугах-травах шелковыих;
Не дом теперь-житье не разживается,
Жирушка победная скудается!
Кабы знала про бессчастное живленьице,
Я в закон-то, горюша, не вступала бы,
Я замужьица себе не залучала,

Не плодила бы сердечных себе детушек,
Я сошла бы во пустыню богомольную,
Где ведь девушки спасаются,
Где старушки постригаются!
Тут мне скажут еще власти поста́вленыи:
«Припасай золоту казну бессчётную,
Ты отдай нам все тягости казенныи!»
Я раздумаюсь победным своим разумом:
«Мне где взять золота казна бессчётная,
Мне отдать да все ведь подати казенныи?»
Как приду я от спорядных от суседушек,
Посоветую с сердечным своим дитятком.
Говорить стане сердечно мило дитятко:
«Да ты слушай же, родитель моя матушка!
Со двора продать любиму наб скотиночку,
Со конюшенки продать да коня доброго!
Еще слушай-ко, родитель моя матушка!
Жаль расстаться со любимой мне скотинушкой;
Ты пойди да в мелкорубленые клеточки,
Ты бери столько ключи да золочёныи,
Отмыкай да ты ларцы там окованыи,
Да ты вынь оттоль цве́тно это платьицо,
Заложи да ты суседу спорядовому!»
Тут скажу да я сердечному-то дитятку:
«Жаль нести да мне-ка цветно это платьице!
Как выростешь до полного ты возраста,
Станешь ездить по гульбищам в нем, прокладбищам,
По этым по Владычным Божьим праздничкам».
Как ответ держит сердечно мило дитятко:
«Мне не честь-хвала, родитель, молодецкая,
Што ведь подати казенные не плачены;
Не к лицу тебе, родитель-родна матушка,
Што таскаться по избам тебе по земскиим,
У стола стоять, родитель, у судебного,
Супротив стоять судей неправосудныих!»

На могиле:

Ой же, стань-востань, любимая семеюшка,
Не убойся-тко печалыюей головушки!
Я не хо́лодна пришла к тебе, не го́лодна,
Не для хлеба пришла-соли наеданьица,
Не для сладкого медова упиваньица!
На совет пришла на крепку к тебе думушку,
Пораздиять злу великую кручинушку
Я с тобой да со любимоей семеюшкой!
Ты чего гневен, любимая семеюшка,
На меня да на победную горюшицу,
На своих да сердечных милых детушек?
Што не по́часту горюшица учащиваю,
Што не по́долгу горюшица угащиваю,
У тебя да у надежной у головушки?
Как посли тебя, любимая семеюшка,
Все решились у нас улички рядовые,
Разорились наши лавочки торговые,
Придержалась золота казна бессчётная,
Прискудалася крестьянска наша жирушка!
Задернили все распашисты полосушки,
Лесом за́росли луговы наши поженки!
Как ко нашему крылечику перёному,
Заколодила путь-ши́рока дороженька,
Отрекнулась вся порода именитая!
Тут раздумаюсь печальным своим разумом:
Просижу, бедна, хоть день да я до вечера
У этой могилушки умёршей;
Прискучаются сердечны в доме детушки:
«Куды матушка у нас приукрылася,
Со кручинушкой куды она девалася?»
Возвращусь еще к могилушке умёршей,
Позабыла я, печальная головушка,
Позвать в гости я любимую семеюшку:
«Ко сердечным рожёным пойдем детушкам,
Большаком пойдем, ты свет, да настоятелем,
Распорядчиком к крестьянской пойдем жирушке!
Не убойся-тко, надежная головушка,
Не заставим мы работы работа́ть тебя;
Стритят детушки гостюшка родимого

На этом крылечике перёном!»
Порасхвастаюсь победная головушка,
На обман возьму любимую семеюшку:
«Ты пойди к нам в любимое гостибище,
Не разорилась ведь крестьянска наша жирушка,
Все по-старому у нас, по-досюльному,
Не заперты ведь лавочки торговые,
У нас в целости товары разноличные!»
Ни на што моя надёжа не окинется,
Ни на ласковы прелестныи словечушка,
Ни на эты он мои да горюци слезы!
Как посли тебя, любимоей семеюшки,
Каждой день да так кручинушка скопилася,
Словно камышком в сердечушко садилася!
Стать высказывать велику всю обидушку,
Сесть на летний Господен Божий денечек —
Мне во зимну ночь, победнушке, не выпомнить,
Этой злой кручинушки великой!
Не дай Господи на сём да не белóм свете
Жить ведь, ростить-то сиротных малых детушек,
Управлять да вся крестьянска эта жирушка!
Во двори зазнать любима наб скотинушка,
Тут заведать наб ступистыих лошадушек,
Засмотрить надо луговы эты поженки,
Заповедать все распашисты полосушки —
Не заходит ли любимая скотинушка,
Не бранятся ли суседи спорядовыи?
Я того страшусь, кручинная головушка,
Всегда имячко мне было со изотчиной
Краснословьицо былó мне-ка отчимое;
За тобой жила, надежной как головушкой,
Почитали спорядовы вси соседушки,
Поклон вóздали жены мне-ка мужнии;
Теперь-нонь живу, кручинная головушка,
Бояци хожу по ши́рокой по уличке,
Торопясь я ко спорядныим суседушкам,
На среканьице все добрым-то молодушкам!
Куды спесь да моя гордость подевалась?
Што головушка моя да приклонилася?

Ты прости, моя любимая семеюшка!
Нагостилась я, победная головушка,
Насиделась на катучем синем камышке,
Наругалась горьких слез да на сыру землю,
Я наплакалась, горюша, до своей люби,
Я натешилась, горюша, как хотелося,
На этом домовище упокойноем;
Объявила всю великую кручинушку
На этой на могилушке умершей!
Ты рости, моя тоска, травой незнамой,
Процветай да всяким разныма цветочкам!
Мимо людушки бы шли да дивовалися,
Шли бы малы недоростки — любовалися,
Шли бы старые старушки — поросплакались,
Стогодовы старики да поужа́хнулись!
Мне-ка стать да со катуча синя камышка,
На свои да стать на томныи на ноженьки,
Мне пойти было к печальным малым детушкам,
Порасхвастаться, печальной мне головушке,
Што в гостях была у вашего у батюшки,
Низко кланялась ему до сырой земли,
Я до этой дубравушки зеленой,
До этой я травоньки шелковой;
Я звала да к вам, сердечны милы детушки,
Не могла, бедна горюшица, дозватися,
Я единого словечка допытатися!
Глупо сделала, печальна я головушка,
Не зашла я в Божью церковь посвященную,
Не молилась я ведь Богу от желаньица!
Как по моему великому несчастьицу,
Божьи церкви то ведь были все призамкнуты,
Служители церковныи приу́брались
По своим оны хоромныим строеньицам!

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.